

Письма начинающим литераторам. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Письма начинающим литераторам. Максим Горький

I

Начинать рассказ "диалогом" – разговором – приём старинный; как правило, художественная литература давно забраковала его.

Для писателя он невыгоден, потому что почти всегда не действует на воображение читателя.

К чему сводится работа литератора? Он воображает – укладывает, замыкает в образы, картины, характеры – свои наблюдения, впечатления, мысли, свой житейский опыт. Произведение литератора лишь тогда более или менее сильно действует на читателя, когда читатель видит всё то, что показывает ему литератор, когда литератор даёт ему возможность тоже "вообразить" – дополнить, добавить – картины, образы, фигуры, характеры, данные литератором, из своего читательского, личного опыта, из запаса его, читателя, впечатлений, знаний. От слияния, совпадения опыта литератора с опытом читателя и получается художественная правда – та особенная убедительность словесного искусства, которой и объясняется сила влияния литературы на людей.

Начинать рассказ разговорной фразой можно только тогда, когда у литератора есть фраза, способная своей оригинальностью, необычностью тотчас же приковать внимание читателя к рассказу.

Вот пример. Летом этим на волжском пароходе какой-то пассажир третьего класса произнёс:

– Я тебе, парень, секрет скажу: человек помирает со страха. Старики они, конечно, от разрушения тела мрут...

Конец фразы я не слышал и человека – не видел; это было ночью, я стоял вверху, на корме, он – внизу.

Начинать рассказы речью такого оригинального смысла и можно и следует, но всегда лучше начать картиной – описанием места, времени, фигур, сразу ввести читателя в определённую обстановку.

В рассказе "Баба" я, читатель, не вижу людей. Какой он – Прохоров? Высокий, бородатый, лысый? Добродушный, насмешливый, угрюмый? Говорит он плохо, нехарактерно, стёртыми словами: "Баба останется бабой" – это пророчество следовало бы усилить словом "навсегда", чтобы чувствовалась устойчивость взгляда Прохорова на бабу. Для оживления смысла таких стёртых слов, – для того, чтобы яснее видна была их глупость, пошлость, – писатель должен искать и находить слова. Ему не мешало бы дать пяток, десяток насмешливых словечек, он мог бы назвать Анну "крысавица", вместо "красавица". Фраза автора: "Рабочий завода, проработав более сорока лет на одном заводе" – плохо сделана: слово "завода" – лишнее, "рабочий, проработавший" слишком рычит, проработать сорок лет "на одном заводе" многовато, была революция, была гражданская война, завод, наверное, стоял в это время. Там, где не соблюдается точность описаний, там отсутствует правда, а наш читатель правду знает. "Рубцы на спине" токаря нужно было объяснить, – рубцы могут быть результатом хирургической операции, чирьев, удара ножом в драке и, конечно, порки.

"Громогласно против" – эти слова как будто указывают, что Прохоров способен говорить довольно оригинально, "по-своему", на то же указывает и его привязанность к слову "стандартный". Но автор, намекнув на эту способность Прохорова, не развил её. Не сделал он этого потому, что смотрит на токаря не как на живого человека, а как на мысль, которую надо оспорить, опровергнуть. Писатель должен смотреть на своих героев именно как на живых людей, а живыми они у него окажутся, когда он в любом из них найдёт, отметит и подчеркнёт характерную, оригинальную особенность речи, жеста, фигуры, лица, улыбки, игры глаз и т.д. Отмечая всё это, литератор помогает читателю лучше видеть и слышать то, что им, литератором, изображено. Людей совершенно одинаковых – нет, в каждом имеется нечто своё – и внешнее и внутреннее.

На картине встречи Анны следовало остановиться подробнее. Старые рабочие высмеивали Анну, конечно, больше и более ядовито, более насмешливо, чем это показано автором. Предубеждение против равноправия женщины в жизни и в труде коренится в самцах очень глубоко, даже и тогда, когда самцы "культурны". У нас оно, к чести нашей, менее резко выражено, чем, например, в Италии, Испании, Франции и в Германии; работа женщин во время войны и в тяжёлых условиях послевоенного времени несколько поколебала это древнее предубеждение. Но и у нас змея ещё не переменяла кожу.

У молодёжи, вероятно, было иное отношение к "бабе". Автор не ошибся бы, отметив у одного парня – желание понравиться Анне, приписав другому защиту её из желания противоречить старикам, заставив третьего побалагурить. Это очень оживило бы сцену.

Анну читатель не видит. Какая она: рыжая? высокая? толстая? курносая? Как ведёт она себя в этой сцене?

Не может быть, чтоб все сразу удивились и замолчали. Через несколько минут снова все удивляются, когда "забегал резец, обтачивая конусную шестерню с особыми причудами к какой-то машине". Читателю неясно: куда автор относит "причуды" – к процессу работы Анны или – к шестерне? И было бы лучше, если бы не "всякий видел уменье, ловкость" Анны, а видел это сам автор и сумел бы показать читателю. Анна "незаметно улыбалась" – для кого незаметно? Если автор заметил эту улыбку, – её должны были заметить и рабочие, тогда она послужила бы поводом для кого-нибудь из них отозваться на эту улыбку так или иначе и этим снова оживить сцену. Улыбка была бы оправданна, если б автор подробнее и картинно изобразил уверенность и ловкость работы Анны.

Эту сцену тоже следовало развить, расширить, показать читателю настроение Прохорова, его боязнь "осрамить" себя. Он должен был или усилить своё отрицательное отношение к бабе, или же, наоборот, – сконфуженно, мимоходом сказать ей несколько слов в таком смысле: "Не выдай, не подгадь!" Это он мог бы сказать ей с глазу на глаз, а при товарищах – повторить своё: "Баба и останется бабой".

"Смертельно раненный волк" и "вонзить зубы в врага" – эти слова совершенно неуместны и не украшают рассказа. Они – не в тоне рассказа, потому что крикливы. Рассказ вообще весь написан небрежно, без любви к делу, без серьёзного отношения к теме. Язык автора – беден. В двух фразах автор трижды говорит: "с напряжением работая", "напрягая все силы", "напрягая силы", это – плохо. На той же странице волк "напрягает последние силы".

"Как ни в чём не бывало прошло два месяца" – что это значит? Два месяца времени ни на кого и никак не влияли, ничего не изменили? Даже часа нет такого, который не внёс бы в жизнь нашу каких-то изменений.

"Праздношатаи гремели раскатистым смехом, посылая по его адресу всевозможные остроты". По адресу смеха?

"Бывает, что и баба дело знает и мужику рекорд побивает", – такой "старой русской пословицы" – нет. Рекорд – слово нерусское и новое. "Пришкандыбал" – слово уместное в речи, но не в описании, да и в речи не следует часто употреблять такие словечки, – язык наш и без них достаточно богат. Но у него есть свои недостатки, и один из них – шипящие звукосочетания: вши, шпа, вшу, ща, щей. На первой странице рассказа вши ползают в большом количестве: "прибывшую", "проработавший", "говоривших", "прибывшую". Вполне можно обойтись без насекомых.

Тема рассказа – очень значительна и серьёзна, однако, как уже сказано, автор этой значительности не чувствует. Разумеется, редакция отнюдь не ставит этого в вину ему, – у нас даже признанные и даровитые литераторы то и дело сгоряча компрометируют, портят, засоряют очень важные и глубокие темы хламом торопливых, непродуманных слов. Тема рассказа "Баба" – один из эпизодов массового и властного вторжения женщин во все области труда и творчества, на все пути строительства новой культуры, нового быта. Сказано: "Без активного участия женщины невозможно построить социалистическое государство". Это – неоспоримая истина. Она обязывает искреннего социалиста изменить своё, всё ещё древнее и не только пошлое, но и подлое отношение к женщине как существу, которое "ниже"

Письма начинающим литераторам. Максим Горький gorkiy@maxim.ru
мужчины. Эта оценка женщины особенно усердно и успешно вкоренялась в сознание людей обоего пола церковью, монашеством.

Существует только одно и чисто зоологическое основание для такого предрассудка: во всём животном мире самец – за некоторым ничтожным исключением – физически сильнее самки. Других оснований для "унижения" женщины – нет. Талантливых и "великих" женщин меньше, чем таких же мужчин, лишь потому, что, как известно, женщины не допускались к общественной работе. Но вот мы видим, что женщины горных племён Кавказа, туземных племён Сибири, Средней Азии, Китая, – женщины, которые ещё вчера считались только рабынями и почти рабочим скотом, сегодня обнаруживают способности к работе культурно-революционной.

Факт массового вторжения женщины во все области труда, создающего культурные ценности, может и должен иметь глубочайшее значение уже потому, что, веками приученная к мелкой и точной работе, она окажется более полезной в тех производствах, которые требуют именно строгой точности и куда внесёт своё, тоже веками воспитанное в ней, стремление украшать.

Писатель обязан всё знать – весь поток жизни и все мелкие струи потока, все противоречия действительности, её драмы и комедии, её героизм и пошлость, ложь и правду. Он должен знать, что каким бы мелким и незначительным ни казалось ему то или иное явление, оно или осколок разрушаемого старого мира, или росток нового.

Автор рассказа "Баба" не знает этого, так же как и автор новеллы "Любовь".

Не совсем понятно, зачем автор этот наименовал свой рассказ "новеллой". Новелла – краткая повесть и требует строго последовательного изложения хода событий. "Любовь" – не удовлетворяет этому требованию. Так же, как "Бабу", её начинает неудачная фраза – вопрос забойщика.

"Вы знаете и, наверное, помните". Один из глаголов этой фразы лишний: то, что мы знаем, мы помним, а того, что нами забыто, мы уже не знаем.

Вопрос забойщика остаётся без ответа, автор начинает описывать место, где сидят забойщик и его слушатели. Сидят они в "нарядной"; для читателя, незнакомого с работой шахтера, не сразу ясно: что такое – нарядная? Можно рядиться в праздничное платье и – на работу. Писать следует точно и обязательно избегать употребления глаголов двоякого значения. Последовательность изложения немедленно, вслед за вопросом забойщика, прерывается спором о любви, и весь этот спор, вплоть до начала рассказа Черенкова, – совершенно не нужен, ибо ничего не дает читателю.

Этот автор грамотнее и бойчее автора "Бабы". Но всё же лучше писать "в шинелях английского покроя", чем "в английского покроя шинелях".

Забойщик Черенков рассказывает о некоем чрезмерно удачливом Мише, который сворачивает четыре роты – батальон – белых солдат, "сводит с ума всех мобилизованных солдат и даже добирается до младшего офицерского состава".

Читатель должен бы восхищаться подвигами Воронова, но – читатель сомневается.

"Гм? Белое офицерство было весьма натаскано в политике. Существовал "Осваг". ("Осведомительное агентство" – контрреволюционная белогвардейская разведка.) Любый белый офицер должен бы прекратить Мишу..."

Но когда читатель знакомится, как Миша повёл себя с девчонкой, подосланной контрразведкой для уловления его, и как бездарно вела себя эта контрразведка, – читатель ощущает желание сказать автору:

"Ты – ври, но так, чтоб я тебе верил".

До конца эта "новелла" дочитывается с трудом. В конце к "новелле" пристроена мораль, или, как говорит забойщик Черенков, – "соль". "Отдавать за любовь, за женщину всё – партию, товарищей, революцию – глупо и недопустимо в такой же степени, как и безобразно".

В разных вариантах мораль эта повторяется автором трижды. Пишет автор бойко – но небрежно. Примеры: "...она закатывала такие истерики и так вопила, что он" –

Письма начинающим литераторам. Максим Горький gorkiy.maxim.ru прятался от неё, кричал на неё? – Нет: "что он лишил её блестящего заработка и теперь, мол, должен содержать её, что он и мысли о том, чтобы бросить её, забывал".

Это непростительно небрежно.

"Мы молчали, собираясь с мыслями и оценивая правильность завязавших спор сторон".

Автор достаточно грамотен и, конечно, сам заметил бы погрешности языка, если бы относился к делу с должным увлечением. Но увлечения делом, любви к нему не чувствуется у автора "новеллы", пишет он "с холодной душой". В форме очень наивной он поставил вопрос: что значительнее – личное счастье единицы или историческая задача рабочего класса – революция, строительство нового мира? Автор не показал, как сам он "оценивает правильность завязавших спор сторон", он вообще ничего не показал, и этим вызывается у читателя такое впечатление, что большой вопрос поставлен автором равнодушно и только из любопытства или "от скуки жизни". Мне кажется, что, пожалуй, вернее всего – последнее. В недоброе старое время большие вопросы довольно часто ставились "от скуки жизни". Например, знакомый мой лесник говорил мне: "Сижу я тут в сторожке, как суч в дупле, людей вокруг – ни одной собаки, днём выспишься – ночью не спится, лежишь вверх носом – звёзды падают чёрт их знает куда!"

И – спрашивал:

– А что, брат, ежели звезда на рожу капнет?

В другой раз он же заинтересовался:

– Не нашли средства покойников воскрешать?

– Зачем тебе покойники?

– У меня тётка больно хорошо сказки рассказывала, вот бы мне её сюда!

Было ему в ту пору лет пятьдесят, и был он так ленив, что даже не решился жениться, прожил свои годы холостым.

Такие люди, как тот лесник, встречались нередко, писатели-"народники", считая их "мечтателями", весьма восхищались ими. На мой взгляд – это были неизлечимые бездельники и лентяи. С той поры прошло четыре десятка годов, и вот, уже в двенадцать лет рабочий народ страны нашей встал на ноги, взялся за великое и трудное дело создания социалистического государства, постепенно разрушает старое, творит новое, жизнь полна драм, полна великих и смешных противоречий, явились новые радости, и ползают по земле нашей тени радостей. Новые скорби; для многих – старое дорого и мило, новое непонятно и враждебно, люди горят и плавятся, растёт новый человек. Странно, что в такие дни живут люди, способные писать равнодушные "новеллы" и ставить вопрос: что лучше – вся жизнь, со всем разнообразием её великих задач, её драм и радостей, или жизнь "с хорошей бабой", с бабой, ради которой "ничего не жалко"?

Бытие таких "новеллистов" можно объяснить только их зелёной молодостью и слепотой, а причина слепоты – малограмотность.

II

Так как Ваш рассказ Вы не прислали мне – судить о достоинствах или недостатках его я, разумеется, не могу.

Указание Ваше на "несправедливое" отношение московских журналов к начинающим писателям совершенно не обосновано в Вашем случае. "Беднота" нашла Ваш рассказ "неплохим" – и только, но это ещё не значит, что рассказ хорош. "Крестьянская молодёжь" подтвердила отзыв "Бедноты", указав Вам, что над рассказом "надо поработать". А Вы пишете: "Получилось очень странно: "Беднота" – хвалит, "ЖКМ" – ругает", тогда как Вас не хвалят и не ругают, а справедливо говорят Вам: учитесь работать!

Вы, "начинающие", жалуетесь на редакторов крайне часто и в большинстве случаев

Письма начинающим литераторам. Максим Горький gorkiyamaxim.ru действительно несправедливо. Вам надо знать, что в старое время, до революции, редакторы журналов получали за год несколько сотен рукописей, огромное большинство которых было бездарно, но все они, в массе, были формально более грамотны, чем рукописи современных начинающих. В наше время редакторы получают тысячи рукописей, тоже в огромном большинстве бездарных, да к тому же - и безграмотных. По личному опыту моему и писателей моего поколения, я должен сказать, что отношение старых редакторов к нам, "начинающим", было несравнимо небрежнее и равнодушнее, чем отношение редакторов советских. В частности, это моё убеждение подтверждается товарищеским отношением к Вам со стороны редакции "Бедноты" и "ЖКМ".

Стихи я понимаю плохо и, может быть, поэтому Ваших стихов не могу похвалить. В стихотворении "После дождя" в одной строфе у Вас - пруд, в другой - он превратился в озеро. Это не оправдано Вами. Думаю, что "над прудом" и "не будет" - не рифмы или очень плохие рифмы. Не понимаю, что значат строки:

Жизнь моя - радость минутная

Бело свежей мглы.

"щей" в стихах - не люблю, так же как и "вшей" и "ужей".

Далее. Вы жалуетесь на то, что, будучи "беспартийным коммунистом" по убеждениям Вашим, не можете попасть ни в комсомол, ни в один из вузов, как "сын бывшего попа".

Это, конечно, тяжёлое положение, и не один Вы протестуете против такого отношения со стороны рабоче-крестьянской власти к выходцам из буржуазных классов.

Но, к сожалению, недоверчивое и суровое отношение рабоче-крестьянской власти к этим выходцам совершенно оправдывается поведением весьма многих выходцев. До поры, покуда работу Советской власти и партии коммунистов они, выходцы, рассматривали как социальный опыт, который, казалось им, может быть и даже, наверное, не удастся, - они служили делу рабочего класса покорно, как собаки, комнатные и цепные. Но теперь, когда им становится ясно, что строительство социализма в Союзе Советов уже не только удачный опыт, а - великое, практически быстро растущее дело, смелое начало всеобщего мирового движения массы трудового народа, когда им ясно, что назад, к старым порядкам, пути закрыты, - они трусливо бегут туда, где ещё остались старые хозяева, где ещё можно послужить собаками, получая кусок более жирный и не беря на себя той великой ответственности перед пролетариатом всех стран, которую мужественно взял на себя рабочий класс Союза Советов.

Они бегут, предавая всё и всех, что и кого могут предать, непримиримым врагам рабочих и крестьян. Таких предателей - не мало. Сейчас двое из них наполняют прессу европейской буржуазии и газетки эмигрантов подленькой и грязной болтовнёй о том, как они несли свою собачью службу единственно законным хозяевам земли - рабочим и крестьянам.

Совершенно естественно, что факты такого гнусного предательства не могут не вызвать у крестьян и рабочих недоверия к выходцам из среды буржуазии. Точно так же естественно и неизбежно, что за подлость некоторых должны потерпеть многие искренние друзья и товарищи рабочего класса. Но они должны винить за свои страдания не рабочий класс, а предателей рабочего класса.

Чем более глубоко и широко будет осуществлять наш рабочий класс свою историческую задачу - тем дальше будут отскакивать от него люди неискренние, - люди, механически приспособившиеся к нему, к его работе. Но тем однороднее, крепче будет рабочий класс, тем более мощно станет влияние его партии на массу.

III

Рассказы Ваши прочитал.

Вы прислали два черновика; оба написаны "на скорую руку", непродуманны и до того небрежны, что в них совсем не чувствуется автор тех двух очерков, которые я Вам обещал напечатать и которые подкупили меня своим бодрым настроением.

Хуже того - в "Обгоне" и "Вызове" не чувствуешь ни любви к литературной работе, ни уважения к читателю, а если у Вас нет ни того, ни другого - Вы не научитесь писать и не быть Вам полезным работником в области словесного искусства.

Талант развивается из чувства любви к делу, возможно даже, что талант - в сущности его - и есть только любовь к делу, к процессу работы. Уважение к читателю требуется от литератора так же, как от хлебопёка: если хлебопёк плохо промешивает тесто, если из-под его рук в тесто попадает грязь, сор, значит хлебопёк не думает о людях, которые будут есть хлеб, или же считает их ниже себя, или же он - хулиган, который, полагая, что "человек не свинья, всё съест", нарочно прибавляет в тесто грязь. В нашей стране наш читатель имеет особенное, глубоко обоснованное право на уважение, потому что он - исторически - юноша, который только что вошёл в жизнь, и книга для него - не забава, а орудие расширения знаний о жизни, о людях.

Судя по тому, как Вы разработали тему рассказа "Обгон", Вы сами относитесь к действительности нашей очень поверхностно.

Тема рассказа - нова и оригинальна: мать, ткачиха, соревнуется с дочерью; на соревнование вызвала её дочь, но мать, работница более опытная, победила дочь. Победа матери требовала от Вас юмористического отношения к дочери, это было бы весьма поучительно для многих дочерей и сыновей и было бы более правдиво. Победа эта не могла не вызвать со стороны старых рабочих хвастовства перед молодёжью своим опытом, - это Вами не отмечено. Вы догадались, что соревнование должно было повлиять на домашние, личные отношения матери к дочери, но не договорили этого. Перед Вами была хорошая возможность показать на этом, сравнительно мелком, факте взаимоотношения двух поколений. Вы этой возможности не использовали. В общем же Вы скомкали, испортили очень интересную тему, совершенно не поняв её жизненного значения.

Как всё это написано Вами? Вы начинаете рассказ фразой:

"Вечер не блистал красотой".

Читатель вправе ждать, что автор объяснит ему смысл этой странной фразы, расскажет: почему же "вечер не блистал"? Но Вы, ничего не сказав о вечере, в нескольких строчках говорите о посёлке, которому "не досталось своей невеликой части кудрявой весны". Каждая фраза, каждое слово должно иметь точный и ясный читателю смысл. Но я, читатель, не понимаю: почему посёлку "не досталось невеликой части весны"? Что же - весну-то другие посёлки разобрали? И - разве весна делится по посёлкам Иваново-Вознесенской области не на равные части?

Далее - через шесть строк Вы пишете:

"Нестерпимая тишина была прижата сине-чёрным небом и задышалась в тесноте".

Почему и для кого тишина "нестерпима"? Это Вы забыли сказать. Что значит: "тишина задышалась в тесноте"? Может быть, так допустимо сказать о тишине в складе товаров, но ведь Вы описываете улицу посёлка, вокруг его, вероятно, - поля, а над ним "сине-чёрное" небо. В этих условиях достаточно простора и "задышаться" тишине - нет оснований.

Все девять страниц рассказа написаны таким вздорным языком. Что значат слова: "довольно ответственно заявила"? "Особенно рачить было не для кого". Может быть, Вы хотели сказать "радеть"? Старинное, неблагозвучное и редко употреблявшееся слово "рачить" - давно не употребляется, даже "рачительный" почти забыто. В другом месте у Вас "теплилась ехидца". Ехидство от ехидны, змеи. Змея - хладнокровна. Подумайте: уместно ли здесь словечко "теплиться"? Что такое "здор"?

Наконец, выписываю такую путаную фразу:

Соревнование последнее время очень нажимала ячейка, к тому же как наяву снилось ей, что через эту победу стать лучшей производственницей в комсомоле и получить лишнюю пару недель отпуска в качестве премии дело не сугубо трудное.

Это не только небрежно, а и сугубо безграмотно, товарищ.

По прежним Вашим очеркам я мог думать, что Вам лет двадцать пять двадцать восемь. По этим мне кажется, что Вы – вдвое старше. И, кроме того, немножко заражены безразличным отношением к людям, к жизни, к таким её фактам, как, например, социалистическое соревнование.

Почему я так много пишу по поводу Вашего безнадежно плохого рассказа на хорошую тему?

Вот почему: многие из вас, кандидатов на "всемирную славу", торопясь "одним махом" доскочить до неё, хватаются за темы серьёзного, глубоко жизненного значения. Но темы эти не по силам большинству из вас, и вы их комкаете, искажаете, компрометируете – засыпая хламом пустеньких, бездушных или плохо выдуманных слов. За этими темами скрыты живые люди, большие драмы, много страданий героя наших дней – рабочего. Не скажет он, рабочий, спасибо вам за то, что вы уродуете действительность, которую он создаёт из крови и плоти своей.

Не скажет. А если скажет, так что-нибудь гораздо более резкое, чем говорю я.

IV

По рассказу "Академия администраторов" трудно ответить на вопрос о Вашей способности к художественной литературе, – трудно потому, что Вы написали не рассказ, а корреспонденцию, которая обличает легкомыслие некоего спеца-хозяйственника. Корреспонденция написана грамотно, вполне толково, приближается к типу очерка, это её достоинство, но она многословна, растянута – это плохо.

От рассказа требуется чёткость изображения места действия, живость действующих лиц, точность и красочность языка, – рассказ должен быть написан так, чтобы читатель видел всё, о чём рассказывает автор. Между рисунками художника-"живописца" и ребёнка разница в том, что художник рисует выпукло, его рисунок как бы уходит в глубину бумаги, а ребёнок даёт рисунок плоский, набрасывая лишь контуры, внешние очертания фигур и предметов, и не умея изобразить расстояния между ними. Вот так же внешне, на одной плоскости нарисовали Вы коммунаров и спеца, – они у Вас говорят, но не живут, не двигаются, и не видишь – какие они? Только о спеце сказано, что он – "средних лет", да о парне – "рябоватый".

В начале рассказа Вы явно отступили от жизненной правды: спец должен был спросить парня или коммунаров о налёте бандитов, о числе убитых и раненых, о хозяйственном уроне. У него были три причины спросить об этом: обычное, человечье любопытство, опасение городского человека, хозяйственный интерес. То, что он не спросил об этом, должно было обидеть людей, которые подвергались опасности быть убитыми, такое равнодушие к их жизни неестественно и непростительно. Да и сами они должны были рассказать ему о налёте, – такие события не забываются в три дня. Если б Вы заставили ваших людей поговорить на эту тему, это дало бы Вам возможность характеризовать каждого из них да и спеца "показать лицом", изобразив, как он слушает, о чём и как спрашивает, – этим Вы очень оживили бы рассказ. Но Вы поставили перед собой задачу обличить "спеца" и, торопясь разрешить её сухо, написали вещь, в сущности, скучную, лишённую признаков "художественного" рассказа.

Торопились Вы так, что местами забывали обращать внимание на язык, и на второй странице у Вас повторяется слово "пред" несколько раз кряду, чего не следует делать.

Отношение Ваше к теме тоже не есть отношение "художника". Художник, поставив пред собой цель – обличить легкомысленного человека, сделал бы это в тоне юмора или сатиры; если же он пожелал бы "просто рассказать" о факте вредительства – он бы разработал характер спеца более подробно и детально. А так, как Вы рассказали, для читателя не ясно: кто же спец? Только ли легкомысленный человек, который живёт по указке книжек, теоретик и мечтатель, плохо знающий живую действительность? Почти на всём протяжении рассказа он у Вас действует, как человек искренний, а тот факт, что, запутавшись и не желая сознаться в этом, он бежит из коммуны, – этот факт Вами психологически не оправдан.

Попробуйте написать что-нибудь ещё. Например: изобразите Ваш трудовой день,

Письма начинающим литераторам. Максим Горький gorkiyamaxim.ru наиболее сильные влечения, характерные встречи, волнующие мысли. Если Вы это напишете просто, не очень щадя и прикрашивая себя, стараясь увидеть в каждом человеке больше того, что он Вам показывает, – этим Вы как бы поставите перед собой зеркало и в нём увидите себя изнутри.

Человек Вы, видимо, серьёзный, да и способный, корреспондент – уже и теперь – неплохой. Побольше читайте хороших мастеров словесности: Чехова, Пришвина, Бунина "деревню", Лескова – отличнейший знаток русской речи! Вообще – следите за языком, обогащайте его.

V

Рассказ начат так:

"С утра моросило".

"По небу – осень, по лицу Гришки – весна".

"...чёрные глаза блестели, точно выпуклые носки новеньких купленных на прошлой неделе галosh".

Очевидно, это не первый рассказ; автор, должно быть, уже печатался, и похоже, что его хвалили. Если так – похвала оказалась вредной для автора, вызвав в нём самонадеянность и склонность к щегольству словами, не вдумываясь в их смысл.

"По небу – осень", – что значат эти слова, какую картину могут вызвать они у читателя? Картину неба в облаках? Таким оно бывает и весной и летом. Осень, как известно, очень резко перекрашивает, изменяет пейзаж на земле, а не над землей.

"По лицу Гришки – весна". Что же – позеленело лицо, или на нём, как почки на дереве, вздулись прыщи? Блеск глаз сравнивается с блеском галosh. Продолжая в этом духе, автор мог бы сравнить Гришкины щёки с крышей, только что окрашенной краской. Автор, видимо, считает себя мастером и – форсит.

Сюжетная – фактическая – правдивость рассказа весьма сомнительна. Трудно представить рабочих, демонстрантов, которые осмеивают товарища за то, что у него грязный бант на груди. Ещё более трудно представить рабочего, который так сентиментален, что, умирая, посылает сыну кусок кумача, сорванный сыном же с одеяла.

Весь рассказ написан крайне торопливо и небрежно. Хуже всего то, что в нём заметно уверенно ремесленное отношение к работе. Таких писателей-ремесленников очень много в провинции; они пишут "рассказы к случаю" – годовщине Октября и прочем – так же, как в старину писались специально "рождественские" и "пасхальные" рассказы. Они обычно самолюбивы почти болезненно, не выносят критики и не способны учиться. Им кажется, что они уже всё знают, всё могут, но любви к делу у них нет, литературный труд для них – средство заработка, "подсобный промысел". Такой литератор вполне способен равнодушно сочинять размашистые фразы вроде следующей:

"Октябрь ущипнул Веруню за сердце, как молодой, кудрявый парень за сиську".

Пошлость таких фраз им совершенно непонятна, и они как будто уверены: чем грубее, животнее пошлость, тем более революционна.

В литературе рабочего класса таких "специалистов" не должно быть, и против размножения их необходимо бороться со всей беспощадностью, ибо они, в сущности, паразиты литературы.

VI

По рассказу "Мелочь" не могу сказать, "следует ли Вам заниматься литературной работой", но этот рассказ Ваш вполне определённо говорит, что Вы подготовлены к ней слабо.

Рассказ – неудачен, потому что написан невнимательно и сухо по отношению к людям, они у Вас – невидимы, без лиц, без глаз, без жестов. Возможно, что этот недостаток объясняется Вашим пристрастием к факту. В письме ко мне Вы сообщаете,

Письма начинающим литераторам. Максим Горький gorkiyamaxim.ru
что Вас "интересует литература факта", то есть самый грубый и неудачный "уклон" натурализма. Даже в лучшем своём выражении – у братьев Гонкуров – натуралистический приём изображения действительности, описывая точно и мелко вещи, пейзажи, изображал живых людей крайне слабо и "бездушно". Кроме почти автобиографической книги "Братья Земганно", Гонкуры во всех других книгах тускло, хотя и тщательно, описывали "истории болезней" различных людей или же случайные факты, лишённые социально-типического значения. Вы тоже взяли случай Вашего героя как частный случай, отнеслись к нему репортёрски равнодушно, и, вследствие этого равнодушия, все герои Вашего рассказа не живут.

А если бы Вы взяли из сотен таких случаев непримиримого разногласия отцов-детей хотя бы десяток да, хорошо продумав, объединили десяток фактов в одном, этот Вами созданный факт, может быть, получил бы серьёзное и очень глубокое художественное и социально-воспитательное значение. Получил бы при том условии, если Вы отнеслись бы более внимательно к форме рассказа, к языку, а также не подсказали бы, что герои должны делать каждый за себя, сообразно своему опыту и характеру.

Художник должен обладать способностью обобщения – типизации повторных явлений действительности. У Вас эта способность не развита. Об этом говорит и Ваш выбор темы для другого рассказа. В нём, как и в первом, тоже сын попа и тоже поэтому страдающий. То, что он убивает отца, несколько не изменяет тему, она, в основном своём смысле, – противоречие отцов-детей, драматическое противоречие.

Но у попа, взятого не как случайная единица, а как тип, – двое детей: один покорно идёт за отцом, другой – решительно против него. Оба они тоже типичны.

Вы говорите: "в обоих случаях я взял живых лиц". Вполне возможно, что Вам представится третий, пятый, десятый случай, и что же? Так вы и будете писать рассказы на одну и ту же тему о разногласии попов с поповичами?

Уверяю Вас, что это будет скучно и Ваших рассказов не станут читать. Кроме того, Вы скомпрометируете, испортите интересную тему.

Описывая людей, Вы придерживаетесь приёма "натуралистов", но, изображая окружение людей, обстановку, вещи, отступаете от этого приёма. Колокольчик швейцара у Вас "плачет", а эхо колокольчика "звучит бестолково". Натуралист не сказал бы так. Само по себе эхо не существует, а является лишь как отражение кем-то данного звука и воспроизводит его весьма точно. Если колокольчик "плачет" – почему же эхо "бестолково"? Но и колокольчик не плачет, когда он маленький и звонит им рука швейцара, при этом условии он даёт звук судорожно дребезжащий, назойливый и сухой, а не печальный.

"Сочный тенор" у Вас "вибрировал, как парус". Это – тоже не "натурально". "Звук рвущегося кровавого комка мяса" – слышали Вы такой звук? Под "комком мяса" Вы подразумеваете сердце живого человека, подумайте: возможно ли, чтоб человек слышал, как разрывается его сердце? И так на протяжении всего рассказа описательная его часть не гармонирует, не сливается с бесцветностью Ваших героев, – бесцветностью, которая их принизила и омертвила. Впечатление такое: рассказ писали два человека, один – натуралист, плохо владеющий методом, другой – романтик, не освоивший приёма романтики.

Затем я должен повторить, что художественная литература не подчиняется частному факту, она – выше его. Её факт не оторван от действительности, как у Вас, но крепко объединён с нею. Литературный факт – вытяжка из ряда однородных фактов, он – типизирован, и только тогда он и есть произведение подлинно художественное, когда правильно отображает целый ряд повторных явлений действительности в одном явлении.

VII

Книгу Вашу прочитал я, – книга не хуже других на эту тему. Она была бы лучше, если бы Вы отнеслись более серьёзно к языку и писали бы проще, а не такими слащавыми фразами, как, например: "не упружатся под ситцем груди девичьи". Такие фразы напоминают старинные бабы причитания. Глагола "упружить", кажется, нет в нашем языке.

Такие фразы, как: "всё Наташа пред глазами с освещённым лицом стояла" – не очень

Письма начинающим литераторам. Максим Горький gorkiymaxim.ru
грамотны.

"Рвётся сердце Василия в замороженную жавороночной песней высь" – это очень плохо – и говорит о Вашей претензии писать "поэтически", красиво. И Вы пишете такие несуразности: "Мечта о перевороте безжалостно смята царизмом, как бывает сорван порывом бури нежный пух одуванчика".

Революционное движение 1905–1906 годов нельзя и смешно сравнивать с "одуванчиком". Тут уж Вы обнаруживаете малограмотность социальную.

А для того, чтобы разнести семена одуванчика, – не требуется "порыва бури", а достаточно дуновения ребёнка.

В день, когда объявлена была война с Германией, о выступлении Англии ещё не было известно.

Соборный протопоп не мог дать "крестом сигнала к отходу поезда", это дело не его компетенции, а дело начальника станции.

Кровь "из рассечённого виска" у Вас "падает лоскутками". "Из-под рассечённого века светился глаз" – ясно, что Вы пишете о том, чего не видели, а этого делать не следует.

"Не белы снеги в поле забелелися" и "Снеги белые, пушистые покрывают все поля" – это две песни, разные по содержанию, а Вы соединили их в одну.

Монашество не обряжалось в золотые вышивки, в позументы и мишуру.

Таких обмолвок, ошибок, нелепостей в книге Вашей очень много, и они её портят.

Затем: Вы не думаете о читателе, о том, чтобы ему было легко понять Вашу речь. Вы пишете: "Баба у Прохора на дрожжах". Что это значит? Что она – рыхлая? Или перекисла?

Сноха спрашивает свёкра: "Самовар поспел – чего заваривать?" Обычно заваривают чай. Но если у Мирона Удалова пили буквицу, зверобой, какао, кофе, сушёную малину или сбитень, так Вы обязаны были сказать это читателю.

Пускать "коловороты зеньками" – это не всякому понятно. Коловорот инструмент, а "зеньки" – это неправильно, правильно будет "зенки" от слова "зеница".

Если в Дмитровском уезде употребляется слово "хрындуги", так ведь необязательно, чтоб население остальных восьмисот уездов понимало, что значит это слово.

То же следует сказать и о слове "дефти" вместо – девки.

У нас в каждой губернии и даже во многих уездах есть свои "говора", свои слова, но литератор должен писать по-русски, а не по-вятски, не по-балахонски.

Вы пишете для людей огромной, разнообразной страны, и Вы должны твёрдо усвоить простую истину: нет книги, которая не учила бы людей чему-нибудь.

Другая истина: для того, чтобы люди быстрее и лучше понимали друг друга, они все должны говорить одним языком.

У вас говорят: "Я не из сметливых", – что это значит?

Таких словечек вы насовали в книгу очень много, и они её не украшают.

Пленный мадьяр говорит у Вас по-украински: "Та я не можу".

Весьма часто Вы ставите слова не в том порядке, как следует: "горничная, с накрахмаленной на голове наколкой" на голове не крахмалят.

Если Вы намерены писать "романы" – Вы обязаны избавиться от подчёркнутых недостатков языка и небрежности, с которой Вы работаете.

И остерегайтесь выдумывать "отсебятину". У Вас сорокалетний мужик, женатый

Письма начинающим литераторам. Максим Горький gorkiymaxim.ru
второй раз на девушке и вообще лакомый до женщин, не различает ночью, со сна, тещу свою, женщину, которой за сорок и, значит, истощённую, от своей восемнадцатилетней жены. Это – так маловероятно, что Вам не поверят.

VIII

Вы хотите убедить меня, что "Карл Маркс и Ленин – ошибались", и "категорически" заявляете, что "социализма на земле построить – нельзя". В доказательство невозможности этой Вы приводите такой расчёт:

Земной шар может прокормить только 8 миллиардов людей, сейчас людей 2 миллиарда. Т.о. через 140–180 лет земля будет иметь зловещую цифру – 8. Что же будет тогда?

Благодарю Вас за Ваши заботы о просвещении разума моего. Учиться я люблю больше, чем учить, чего и Вам искренно желаю. Но должен сказать, что Вы учите – плохо.

Расчёт Ваш не доказывает, что "социализма на земле построить нельзя", а говорит, что социализм может существовать только 140–180 лет. А что же будет дальше? С полной уверенностью могу сказать Вам: не будет дураков и невежд. Уже лет через пяток – десяток, наверное, умрёт малограмотный невежда, который научил Вас рассуждать о социализме так, как Вы рассуждаете.

Он, болван, должен бы сказать Вам, что 130 лет тому назад, в 1708 году, англичанин Томас Мальтус напечатал книгу "Опыт о законе народонаселения". В книге этой он доказывает, что население земного шара увеличивается быстрее, чем средства существования. Доказательства его целиком опровергнуты не только К.Марксом, но и буржуазными учёными Кэри, Бастиа, Гербертом Спенсером. Опровержения эти в общем сводятся к тому, что чем разумнее – интеллектуальней – животное, тем медленнее размножается оно. Слон даёт одного детеныша за 20–24 месяца, боров оплодотворяет до 40 самок, а свинья беременеет только 8 месяцев и приносит до десятка поросят.

В человеческом обществе мы видим то же самое: чем менее культурны люди – тем больше у них детей; население деревень везде и всюду более плодовито, чем население городов. Крестьянки рожают почти ежегодно, а вот богатая и зажиточная буржуазия всё более широко применяет систему "двух детей". Отсюда ясно, что бессмысленное размножение людей может быть регулировано и уже регулируется разумом.

Но дело не только в этом, а и в том, что когда писал Мальтус и даже Маркс, они не могли предвидеть того сказочно быстрого роста науки и техники, которые, непрерывно развиваясь, обогащают человечество всё более. Распространение автомобилей делает ненужными лошадей, и огромные пространства земли, которая засеивалась овсом, отходят под пшеницу, под рожь. Науки микробиология и химия, вмешиваясь в сельское хозяйство, ставят целью своей увеличение урожаев и успешно добиваются этой цели. Химия даёт огромные количества удобрений, истребляет вредителей хлеба, насекомых саранчу, "кузьку", "гессенскую муху" и прочих, а также грызунов – суслика, полевую мышь и других. Повысить урожаи хлеба, количество питательных веществ – это уже в силе и воле человека. Вам, крестьянину, всё это надо бы знать, и знать это Вам гораздо полезнее, чем подсчитывать, да ещё и неверно, рост населения. Дело это не Ваше и совершенно зря "взбрело в башку" Вам, как говорил отличный знаток крестьянства, писатель Глеб Успенский.

Тот, кто Вас познакомил с теорией Мальтуса, не сказал Вам, что теория эта очень понравилась помещикам, фабрикантам и вообще богатым людям. Она дала им возможность сваливать вину свою за нищету рабочих людей на самих рабочих и крестьян; опираясь на Мальтуса, богачи доказывали, что причина нищеты крестьянства и рабочего класса – не в малоземелье, не в плохой обработке полей, не в грошовой заработной плате и вообще – не в грабеже богачей, а именно в том, что трудовой народ быстро размножается. Далее они доказывали тоже, что и Вы: нет никаких мер и способов улучшить бедственное положение трудового народа, ничем нельзя помочь ему жить лучше, и даже не следует помогать. Мальтус считал вредной даже общественную помощь бедным, находя, что она только плодит нищих.

Так вот какие идеи проповедуете Вы, крестьянин "косопузой" – как вы пишете – губернии. Очень жалею людей, которым внушаете Вы эти идейки. А человек, который внушил эти идеи Вам, – он, на мой взгляд, негодяй и – враг трудового народа.

Вам бы, вместо того чтоб проповедовать подленькие глупости, лучше заняться чем-нибудь другим. Подумать бы о том, сколько ни на что не нужного кустарника и дерева, не годного в дело, истощает землю, сколько ценных соков её поглощают сорные травы, как вредят они хлебу, как много пахотной земли уничтожают овраги, как много у нас болот, которые надобно осушить, как много засушливых мест, которые можно бы оросить водами рек, которые бесплодно исчезают в морях, - и ещё о многом Вам, крестьянину, следовало бы подумать. И поучиться следует. А то Вы Маркса и Ленина критикуете, а ни того, ни другого не читали и о научном социализме не имеете никакого представления.

Между прочим, подумали бы и о том, как мелкое частное хозяйство истощает землю, и подсчитали бы, как велик для государства вред некультурного, неумелого землепользования.

IX

Книгу Вашу прочитал. Грамотная книга, и хотя её тема многократно разрабатывалась, измята, огрублена, всё же Вашу книгу читал с интересом. Возможно, что интерес этот возбуждён личной встречей с Вами и отразился на отношении к Вашему роману. Но всё-таки в общем роман этот я не могу признать удачным.

Уже в титуле романа чувствуется претензия автора на своеобразие, а затем почти на каждой из 240 страниц убеждаешься, что это своеобразие идёт "от ума", далось автору с трудом и сильно помешало: автору - быть более искренним, книге - более убедительной. Вам хотелось написать "не как другие", но, стремясь к этому, насилуя себя, Вы написали хуже того, как могли бы. Разумеется, речь идёт не только о форме, хотя и форма может испортить материал любой ценности.

"Отца" Вы взяли поверхностно, как берут и изображают его все молодые наши литераторы: отец - социальная особь, которую отличает от сына только "умонастроение", которое образовалось на почве бытовых привычек, навыков и так далее. Мне кажется, что отца как "тип" пора уже рассматривать пристальнее, глубже, не только как социальную, классовую особь, но как особь биологическую. Даже в том случае, когда отец прошёл университет, прочитал все лучшие книги, - над всеми его "знаниями" преобладает, в огромном большинстве случаев, многовековой социальный опыт его предков, а этот "опыт веков" в человеческом обществе не мог не иметь определённого биологического влияния. Я говорю не о наследственности, а о чём-то более глубоком, более консервативном, что прячется за "умонастроением", делая отцов и детей органически неспособными понять друг друга.

Как литературный тип - отец должен глубоко чувствовать, что он защищает порядок жизни, установленный веками, порядок, для него столь же органически необходимый, как рыбе - вода, червю - земля, и должен чувствовать, что революционная воля его сына возникла именно для того, чтоб разрушить, уничтожить и почву, и атмосферу, и всё, от крупнейшего до ничтожно мелочного, в чём он, отец, приспособился жить, без чего он жить не может.

Сын как тип должен воплощать революционную волю, для которой цель - в будущем, а в настоящем, которое воплощает и защищает отец, нет для него, сына, ничего, что не мешало бы росту его воли, не затрудняло бы её работу.

Столкновение Ивана Пятова со своим сыном Петром Пятовым - это частный случай, ничтожный эпизод трагедии, назревающей в наши дни, и, если мы хотим хорошо почувствовать огромное историческое значение этой трагедии, мы должны изобразить основных её героев именно как типы, как столкновение двух совершенно непримиримых мироощущений. Возможны, разумеется, дробления этой основной темы, но дробить надобно так, чтоб подлинный и глубокий смысл темы был освещён ярко. Основной же смысл - прост: беспощадная борьба за и против "священного института частной собственности", источника всех несчастий жизни, всех преступлений, всех уродств.

Представьте себе сына - белогвардейца случайного, "мобилизованного", который вдруг понял или постепенно понимает, что его рукою истребляются люди - может быть, его друзья - только для того, чтоб существовало частное хозяйство папаша, как оно существовало века.

Возведите это частное хозяйство на степень кошмара, созданного отцом по силе его веры в это хозяйство как единственно прочную основу жизни, изобразите детей как жертв этого кошмарного плена и жизнь их как тюрьму под открытым небом. Таких тем очень много.

Теперь – по поводу стиля Вашей книги. "Бессмысленная, вялая какая-то, скучная смерть веяла ровным дыханием", – пишете Вы на 129 странице. Это очень характерная фраза для Вас. А ведь в ней, несмотря на три определения понятия "смерть", – нет ясности. Сказать "вялая смерть" и прибавить к слову "вялая" – "какая-то" – это значит подвергнуть сомнению правильность эпитета "вялая". Затем Вы добавляете – "скучная", – к чему это нагромождение? "Редкие и безлистные ещё липы", – почему "ещё липы", а не "ещё безлистные", что гораздо проще? Очень запутаны слова на страницах 166–167. И всё это напутано Вами в поисках своеобразия, а искать Вам следовало простоты и ясности языка.

На вопрос Ваш: "Могу ли я писать в наше время?" – я ответил бы утвердительно, если бы Вы в письме не заявили о "разладе" между Вашим "мировоззрением и мироощущением".

Выше я рассказал, как понимается мною этот "разлад" – болезнь, видимо, нередкая среди людей Вашего поколения и Вашей социальной среды. С моей точки зрения, крайне пагубно для человека, если в нём совмещаются – или противостоят – революционное "умонастроение" с "мироощущением" его отца, а очевидно, это так: "от ума" человек – революционер, а по инстинкту, по эмоциям – контрреволюционер. Иначе я не могу понять "разлада". И само собою разумеется, что при наличии такого "разлада" Вы едва ли в силах будете работать согласно требованиям эпохи, с пользой интересам выразителя воли эпохи – рабочего класса.

Затем Вы сознаётесь: "Я не могу писать без фокусов, меня фокусы увлекают, за фразой я забываю цель". Это – плохо. Очень. Сообразите: кому нужна Ваша фраза, строить которую просто и ясно Вы не умеете? Да если б и умели – кому нужна фраза, смысл которой, наверное, будет двойственным вследствие разлада Вашего умонастроения с Вашим мироощущением? Вы пишете: "Я основательно штудировал философов", – так ли основательно, как это кажется Вам? Думаю, что Вы ошибаетесь, – иначе Вы не поставили бы Шервуда Андерсона, у которого нет никакой "философии", а прямая зависимость от плохо понятого им Чехова, – не поставили бы Андерсона рядом с Гамсуном, который пришёл к признанию рока и необходимости покоряться ему, как это явствует из его последних книг: "Соки земли", "Санатория Таррахаус", "Бродяги".

Странное впечатление вызвало у меня Ваше письмо. Поколение Ваше вошло в жизнь торжественно, "в огне и буре". Мир старый встретил вас враждой и ненавистью, которые, казалось бы, могут возбудить только сильные люди. Задачи, которые вы решаете, огромны и должны бы всецело владеть умом и чувством Вашими. Дело, которому Вы служите ежедневно, – дело грандиозное, небывалое по смелости, – несмотря на его кажущуюся мелочность и раздробленность. В руках ваших тот Архимедов рычаг, которым только и можно "перевернуть мир".

И вдруг – разлад между "умонастроением" и "мироощущением". Странно.

Х

Я думаю, что такие работы, как "Язык селькора", преждевременны и даже могут оказать немалый вред нормальному росту языка. В работе Вашей желаемое предшествует сущему и торопливость выводов, основанных на материале сомнительной ценности, ведёт к тому, что Вы принимаете "местные речения", "провинциализмы" за новые, оригинальные словообразования, – тогда как материал Ваш говорит мне только о том, что великолепнейшая, афористическая русская речь, образное и меткое русское слово – искажаются и "вульгаризируются".

Этот процесс вульгаризации крепко и отлично оформленного языка процесс естественный, неизбежный; французский язык пережил его после "Великой революции", когда бретонцы, нормандцы, провансальцы и т.д. столкнулись в буре событий; этому процессу всегда способствуют войны, армии, казармы. Зря опороченная Демьяном Бедным весьма ценная книга Софьи Федорченко "Народ на войне", а также превосходная книга Войтоловского "По следам войны" были бы крайне полезны для Вас, видимо, искреннего и пламенного словолюбца.

Мне тоже приходится читать очень много писем рабселькоров, "начинающих" литераторов, учащейся молодёжи, и у меня именно такое впечатление: русская речь искажается, вульгаризируется, её чёткие формы пухнут, насыщаясь местными речениями, поглощая слова из лексикона нацменьшинств и т.д., – речь становится менее образной, точной, меткой, более многословной, вязкой, слова весьма часто становятся рядом со смыслом, не включая его в себя. Но я уже сказал, что это – процесс естественный, неизбежный и, в сущности, это – процесс обогащения, расширения лексикона, но покамест, на мой взгляд, ещё не процесс словотворчества, совершенно сродного духу нашего языка, а – механический процесс.

Вы, как вижу, думаете иначе. Вы торопитесь установить и утвердить то, что Вам кажется словотворчеством; чисто внешнее обогащение речи Вы принимаете как творчество. Весьма много людей буржуазного класса нашего говорили по-французски, но это отнюдь не делало их более культурными людьми.

Ваша работа говорит мне, что современный грамотный крестьянин владеет языком гораздо хуже, чем владели мужики Левитова, Глеба Успенского и т.д., что речь селькора беднее образностью, точностью, меткостью, чем речь солдат Федорченко и Войтоловского.

Нельзя противопоставлять "сардонический", "мефистофелевский" смех "медовому", "колокольчатому" смеху девушки. Девушка-то ещё не научилась смеяться "сардонически". Сардонический и медовый – это языки людей совершенно различных по психике. Медовый смех – не новость. Вы его, наверное, найдёте у Андрея Печёрского – "В лесах" – и найдёте в старинных песнях.

Ты мне, девка, сердце сомутила

Злой твоей усмешкою медовой...

– сказано в переводе песен Вука Караджича.

Также нельзя противопоставлять "голубой" ливень "жестокому", – хотя это различные отношения к одному и тому же явлению, но ведь и лирически настроенный крестьянин может назвать ливень "голубым", когда дождь идёт "сквозь солнце".

"Колокольчатый" смех – очень плохо, потому что неточно, колокола слишком разнообразны по размеру и по звуку, "медный" смех – воображаете Вы? Правильно сравнивают смех с бубенчиками, особенно – если их слышишь издали.

Словечко "милозвучно" Вы напрасно считаете новым, оно есть у Карамзина, а кроме того, Вы его, наверное, встретите в "кантатах", которые распевались крепостными хорами. В кантатах этих встречаются "лилейнолицые девицы", "зефирно нежный голосок". В 1903 году мужики под Пензой пели: "Зефир тихий по долине веет с милой страны, с родной Костромы".

Слово "обман" Вы взяли из разных областей; у фета и других поэтов он "сладостен" и "прекрасен", по преимуществу в области романтической, а у селькоров – в области отношений социальных. Но ведь и селькорам не избежать "сладостных" обманов.

Мне кажется, что, работая по словотворчеству, необходимо знать наш богатейший фольклор, особенно же наши изумительно чёткие, меткие пословицы и поговорки. "Пословица век не сломится". Наша речь преимущественно афористична, отличается своей сжатостью, крепостью. И замечу, что в ней антропоморфизм не так обилен, как в примерах, которыми Вы орудуете, а ведь антропоморфизм, хотя и неизбежен, однако стесняет воображение, фантазию, укорачивает мысль.

Всё это сказано мною из опасения такого: если мы признаем, что процесс механического обогащения лексикона и есть процесс творчества новой речи, будто бы отвечающей вполне согласно новым мыслям и настроениям, – мы этим признанием внушим рабселькорам и молодым литераторам, что они достаточно богаты словесным материалом и вполне правильно "словотворят". Это будет неверно, вредно.

Дело в том, что современные молодые литераторы вообще плохо учатся и туго растут поэтому. Один из них сказал: "Когда сам напишешь книгу, перестаёшь читать".

Письма начинающим литераторам. Максим Горький gorkiy.maxim.ru
Должно быть, это верно: есть целый ряд авторов, которые, написав одну книгу неплохо, вторую дают хуже, а третью – ещё хуже. Критика не учит, как надобно работать над словом.

XI

Рассказ Ваш – плох, но хорошо, что Вы сами чувствуете это; а хорошо это потому, что говорит о наличии у Вас чутья художественной правды. Рассказ именно потому и плох, что художественная правда нарушена Вами.

Нарушили Вы её неудачно выбранным Вами языком. Вы взялись рассказать людям действительный случай озверения "хозяйственного мужичка", который метит попасть в мироеды, – ради этой цели он предаёт белобандитам своих односельчан и своих детей, комсомольцев. Совершенно правильно Вы отметили, что хотя герою Вашему жалко жену, убитую белыми, и ещё более жалко сына, убитого ими же, – но всё-таки это чувство жалости не мешает ему попытаться ещё раз повредить советской группе односельчан и в их числе второму сыну, которого он, отец, убивает уже своею рукой.

В той беспощадной и неизбежной борьбе отцов и детей, которая началась, развивается и может окончиться только полной победой нового человека, социалиста, – случай, Вами рассказанный, всё же случай исключительный по звериной жестокости отца и по драматизму. Рассказать этот случай Вам следовало очень просто, точными словами, серьёзнейшим и даже суровым тоном. Если б Вы это сделали, рассказ Ваш зазвучал бы убедительно и приобрёл вместе с художественной правдой социально-воспитательное значение.

Вы рассказали многословно, с огромным количеством ненужных и ничего не говорящих фраз, как, например: "Вздрыгнула мортира". "Мортира заплевалась огнём лихорадочно часто". "Замелькали убегающие фигуры. Скрылись в деревню".

Говорить такими рваными фразами не значит изображать – делать описываемое видимым для читателя. Драматизм рассказа такими сухими формами Вы уничтожили.

Участие "мортиры" в бою – весьма сомнительно. Как учитель, Вы должны знать, что "заплеваться" значит – заплевать себя.

Герой Ваш слишком многоречив и психологичен. Он у Вас рассуждает над трупом сына.

"Лучше посмотреть. Может, не он. Может... Нет, он, Алёша. Вот и родинка на щеке. И кудри... такие белые-белые, и кровь грязными сгустками в волосах".

Это – фальшиво. Вы облыжно приписали такие нежности Петру, – люди его типа, чувствуя, не рассуждают. Пётр – получеловек, способный убить сына своего за то, что сын не хочет жить той дикой, звериной жизнью, которой привык жить он, отец.

Когда Вы начинали писать рассказ – Вы знали, каков его конец: Пётр убьёт Александра. Это обязывало Вас рисовать фигуру предателя и сыноубийцы в тоне именно суровой сдержанности, резкими штрихами, без лишних слов. Вы же приписали Петру мысли и чувства, которые раздваивают его, показывая читателю то сентиментального мужичка, выдуманного писателями-"народниками", то – зверя, – и в обоих случаях он у Вас неубедителен. Кратко говоря – Вы испортили хороший материал.

Это случилось с Вами потому, что Вы придерживались правды только одного известного Вам факта. Но также, как из одной штуки даже очень хорошего кирпича нельзя построить целого дома, так описанию одного факта нельзя придать характер типичного и художественно правдивого явления, убедительною для читателя.

Если б Вы, принимаясь за работу над рассказом, вспомнили, что Пётр Керин – это тот самый мужик, который, стремясь остановить ход истории, отстаивая своё, вредное для нашей страны, некультурное, зря истощающее землю индивидуальное хозяйство, расстреливает комсомольцев, поджигает колхозы и всем, чем только может, вредит росту и развитию новой культуры, новой истории, если б Вы вспомнили об этом многообразном, но всюду одинаково диком и озлобленном человеке, – Вы тогда создали бы художественно правдивый, убедительный тип представителя племени закоренелых анархистов, осуждённых историей на гибель.

Письма начинающим литераторам. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Художественная правда создаётся писателем так же, как пчелою создаётся мёд: от всех цветов понемножку берёт пчела, но берёт самое нужное.

ПРИМЕЧАНИЯ

Впервые в составе 17 писем под общим редакционным заголовком "Письма из редакции" напечатаны в журнале "Литературная учёба", 1930, номера 1-3 (январь-март), с подзаголовками в каждом номере: "Письмо первое", "Письмо второе" и т.д., и одно письмо - 1932, номер 5, май, без подзаголовка.

В сборник статей "О литературе" М. Горький включил одиннадцать из этих писем и озаглавил их "Письма начинающим литераторам", сняв инициалы имён и фамилий адресатов и заменив подзаголовки римской нумерацией.

Письма I-VI соответствуют "Письму первому"-"Письму шестому" ("Литературная учёба", 1930, номер 1, январь);

письма VII-IX соответствуют "Письму третьему"-"Письму пятому" ("Литературная учёба", 1930, номер 2, февраль);

письма X-XI соответствуют "Письму второму" и "Письму четвёртому" ("Литературная учёба", 1930, номер 3, март).

"Письма начинающим литераторам" включались во все издания сборника статей М. Горького "О литературе".

Печатаются по тексту второго издания указанного сборника, сверенному с рукописями (письма I, III, и V) и авторизованной машинописью (письма I-IX) (Архив А.М. Горького).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!